

Мокрый снег облепил черные деревья и телеграфные столбы. Солнце не грело. Смуглое лицо летчика-аса было бледным. Поднимаясь на второй этаж в командно-диспетчерский пункт, Амет-хан спорил сам с собой:

- Не нравится! Мне твое настроение не нравится!
- Опять не спал... Мать вспоминал, брата. Май тот проклятый...
- О другом думай.
- Который год о другом не думается.
- Тогда отмени полет. Ты имеешь право отказаться!
- Отказаться? Я, и хан и султан в одном имени?!

На аэродроме поджидал хищный стальной красавец, бомбардировщик «Ту-4». Под его брюхом провисла мотогондолла, в которой разместили опытный двигатель. Его предстояло опробовать на предельных режимах. Дело знакомое. Но сердце ныло. Ломило виски. Трудно было сосредоточиться.

Ведущий инженер и штурман заняли свои места. Ждали бортрадиста Лешку Воробьева, тот никак не мог справиться с ремнем. Наконец самолет, разрезая февральский туман, направился туда, откуда ночью падал снег. Теперь здесь было тихо. По невидимым колеям плыли редкие облака. Холодеющая лазурь беспредельного неба напоминала море у берегов родной Алупки. Крепко сдерживаемый страх отпустил. Амет-хан впервые за утро улыбнулся.

Сколько же он налетал? Три тысячи, четыре? И каждый раз одинаковый восторг!

– Командир, выходим в зону, – раздалось в шлемофоне.

– Открыть створки люка. Доложить на землю. Начинаем выполнение полетного задания.

Внезапно самолет тряхнуло, и в глазах Амет-хана потемнело.

*В серых сферах летай
и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне
гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце и винт*.*

Время ушло вперед, а он порой жил так, будто война не закончилась. На очередном вираже самолет подбросило. Это помогло скинуть оцепенение. Захлестнул адреналин. Как будто снова сигнал тревоги и снова на хвосте «мессер». Не время распускаться. Бой еще не выигран – вперед!

Вражеская четверка подошла на большой высоте. Чиликов и Юзов первыми открыли огонь, но пятнисто-зеленые были к этому готовы. Амет-хан помог отбить атаку по лейтенанту Чиликову, но тут же сам был обстрелян вторым «Мессершмиттом-109Ф».

* Отрывок из стихотворения А. Блока.

В небе, как нигде
на земле, человек ближе
к Создателю. В небе
не должно быть сомнений.
Сюда не дотягивается
несправедливость. Здесь
не имеет значения, кто
родители и сколько
орденов получено.

Изловчившись, он сумел оторваться и взмыть
вверх. Юзов повторить финт не сумел. Через мгнове-
ние истребитель друга дымящейся стрелой устре-
мился вниз.

Кабину самолета трясло нещадно. Давай выше!

Амет-хан не боялся. Дышалось легко и даже слад-
ко. Он в своей стихии. Руки крепче сжали штурвал.
Ничего-о! И не из таких передрыг выбирались.
Сумел же он у самой земли выкрутиться, когда по-
сле одной отцепки не запустился двигатель само-
лета-снаряда. Ох, и дорога была опытная машина...
Ему Сталинскую премию за ее спасение дали, а сло-
жись иначе, под статью подвели бы. Страна ценила
машины дороже людей.

Сильно завоняло горючкой. Еще выше!

Так же горючкой несло от ЦК, когда на входе
к нему кто-то разбомбил бутылку с керосином. Три
года как Сталин умер, и вернулась надежда. Они
решили просить о реабилитации крымско-татар-
ского народа, которую никто не собирался им да-
вать. «Верните честь, волки, честь верните! Вер-
ните нам родину!» Худой чинуша с прозрачными
глазами, пересчитав ордена на его груди, принял
просительную бумагу и сказал при выходе не хло-
пать дверь. В коридоре секретарь зашептал: «По-
меняйте, Амет-хан Султанович, пятую графу. Такой
герой – дважды герой! – и такие корни, нехорошо.
Вам третьего из-за этого и не дали...»

Глазки секретаря бегали от серых стен к пылаю-
щим щекам ветерана войны: туда-сюда, туда-сюда.
Промолчал Амет-хан. И сегодня бы ничего не ска-
зал. Тогда язык онемел от возмущения, а сейчас,
хоть только полвека одолел, сил просто-напро-

сто не осталось. А нечего, Аметка, позволять себе
лишнее, того, что до войны и предположить не мог...
Что, не слышу? Ах да. Позволять... А кто мог пред-
положить, что мирная жизнь такой оскорбительно
несправедливой окажется?

Амет-хан продолжал кружить, забирая выше
и выше. В небе, как нигде на земле, человек ближе
к Создателю. В небе не должно быть сомнений. Сюда
не дотягивается несправедливость. Здесь не имеет
значения, кто родители и сколько орденов полу-
чено. Он летел безбрежно, не чувствуя ни единого
знака, который означал бы преграду.

Головная боль отпустила. Иссякла многолет-
няя горечь. Выветрились обиды. Сквозь равно-
мерный гул незнакомый женский голос пел песню:
«Амет-хан! Ты же символ земли своей, Амет-хан...»
Вечность становилась все ближе. Протянешь руку
и почувствуешь звезды в ладонях.

...С земли не теряли надежду пробиться, но само-
лет молчал. Никто из членов экипажа не выжил. Тело
Амет-хана Султана нашли через несколько дней.

